

Сергей САКАНСКИЙ

СОЛНЕЧНЫЙ ПРИНЦ

Мини-роман

Кошмары
секретного
объекта

Сергей Юрьевич Саканский

Солнечный принц. Кошмары секретного объекта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3298355

Аннотация

Какие сюрпризы могут преподнести развалины фабрики, которая не работает уже много лет? Оказывается, в таинственных лабиринтах подземелья скрывается целый мир, который живет по своим нечеловеческим законам... Только настоящая храбрость и острота мысли помогут нашему герою победить силы зла и обрести свою любовь.

Содержание

ДЖИП НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ	5
В ЗАПАДНЕ	23
НАЧАЛО ПУТИ: СТОРОЖКА – РЖАВАЯ	38
ТРУБА	
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Саканский
Солнечный принц
Кошмары
секретного объекта
Мини-роман

Опять мне снится сон, один и тот же сон...
Евгений Осин, песня

На обложке: памятник Буратино в Салехарде.

ДЖИП НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

Когда Андрей принял из рук отца черный пластиковый пакет, он и представить себе не мог, какие невероятные и страшные события начинаются в его жизни.

– Ну, давай, Красная Шапочка, двигай! – пошутил отец. – Одна нога здесь, другая – там.

Каждый раз, когда дед дежурил, отец передавал ему тормозок – так рабочие называют сверток с едой – и неизменно говорил что-то в этом роде. Андрей был как бы Красная Шапочка, только не девчонка, а парень, и нес тормозок не бабушке, а дедушке, и не от матери, а от отца. Все в этой ситуации было точно наоборот.

Рука отца заметно дрожала после вчерашнего, пепел сыпался ему на колени, дым обволакивал пальцы. Стоило деду отправиться на свое суточное дежурство, как отец сразу бежал в магазин. Андрей не ябедничал, и дед искренне думал, что его зять держит клятвенное слово. В прошлом году, сразу после смерти матери, они поклялись друг другу завязать с водкой до конца своих дней. Правда, принятую отцом дозу можно было косвенно рассчитать по самому состоянию тормозка, но дед не отличался способностями криминалиста. Колбасу и сыр отец нарубил толстыми кусками, шкурки болтались, и весь тормозок выглядел так, будто кто-то уже начал его есть.

Андрей вздохнул, надел черный пакет на локоть и, подпрыгивая на колдобинах, побежал через пустырь, стараясь не думать ни об отце, ни о матери, ни о жизни вообще... И вдруг остановился, потому что с ошеломляющей ясностью вспомнил свой сегодняшний сон.

Почему-то всегда так бывает: проснешься, и хорошо помнишь, что снилось, потом забудешь и вдруг, часа через два – снова придет, словно пленку твоей судьбы перемотали назад.

Это был тот же сон, он повторялся с начала весны, с одним и тем же персонажем в главной роли, будто в каком-то фильме ужасов, хотя, персонаж, конечно, выглядел гораздо приятнее, чем Фредди Крюгер... У Андрея возникло ощущение, что это был какой-то искусственный, наведенный сон. Он недавно читал об этом: будто бы существует такой аппарат, который может транслировать сны. Только неясно, кому и зачем это нужно, чтобы Андрей видел во сне именно Индию.

Так он условно называл девушку или взрослую женщину, которую вот уже месяца три безответно любил. Впрочем, безответно – не то слово, потому что Индия была всего-навсего портретом.

В который уже раз она ему снится – в пятый, в седьмой? От этих снов становится жарко, немного стыдно, потом щемит в груди, тянет распрямить плечи, глубоко вздохнуть, раскинуть руки и посмотреть в небо...

Андрей так и сделал, стоя на опушке леса, пакет с тормоз-

ком съехал на плечо, хлопнул по ребрам, небо над головой было синее, космическое, облака ослепительно белые, такие весомые и настоящие, будто их можно потрогать рукой. Хотелось со скрипом скользить по траве, ступать обеими ногами в лужи, еще не успевшие просочиться в землю, трясти над головой ветки кустов.

Две глубокие травянистые колеи шли по самому краю пустыря, высокие кусты намокли, арками нависали над дорогой, придерживая крупные грозди дождевых капель, и каждая владела своим собственным маленьким солнцем. Ночью прошел грозовой дождь, утро выдалось мокрое, светлое, ветреное... Кроны деревьев в лесу были полны птичьего гомона. Дорога на фабрику превратилась в галерею ярких, умопомрачительных образов.

Дед работал сторожем на мебельной фабрике, чьи черные трубы возвышались вдали, на другой стороне пустыря. А на этой стороне был дом Андрея – белая блочная пятиэтажка, построенная еще при коммунистах, специально для фабричных рабочих. Само предприятие давно простаивало, рабочие доживали свой век в этом старом доме, треснутом, в трещинах зарастающим травой, и только дед никак не мог расстаться с родной фабрикой: он устроился сторожем и бдительно охранял ее развалины.

Единственной ценностью, которая до сих пор оставалась за оградой фабрики, был металл, цветной и черный, и он представлял собой определенный интерес для «кое-кого».

Этот «кое-кто» очень бы хотел поживиться народным добром. Имелись в виду бомжи, которые стремились собрать его, сдать в пункт приема вторсырья и пропить.

– Раньше пионеры металлолом собирали, теперь – бомжи, – изрек как-то раз мудрый дед.

– Дедушка, а кто такие «пионеры»? – спросил Андрей.

Он, конечно, слышал о пионерах, комсомольцах и даже октябрятах (по истории Отечества имел твердую четверку), но любил иногда поддразнить деда и дать ему возможность сесть на любимого конька.

– Пионеры?! – возвысил голос дед. – Ты не знаешь, кто такие пионеры?

И понеслось. О славных днях, когда они жили в лесном лагере, в синих фанерных домиках, о доблестных делах, когда они ставили сверху на дверь ведро с водой, и вожатый, входя, опрокидывал его на себя... Или как они делали привидений из простыней и пугали по ночам вожатых женского пола... Все это казалось деду красивым, интригующим и смешным. Не то, что нынешнее племя – Макдоналдс, мобильник, плеер... Сникерсы, памперсы... Андрею почему-то становилось жалко деда, когда он рассказывал, часто повторяясь, героические истории из своей жизни.

– А теперь они бомжи – наши бывшие пионеры. И снова собирают металлолом, – с грустью резюмировал дед. – Мало кому из старой гвардии удастся быть полезным обществу в наши времена. Мне вот повезло. Что бы они без меня, кру-

того секьюрити, делали?

Дед неуверенно произносил непривычное заморское слово и явно преувеличивал свою роль. Пробраться на территорию фабрики было непросто, и дело тут вовсе не в стороже. Трехметровый кирпичный забор окружал ее, поверх забора шли ряды колючей проволоки... А на черной железной двери – кодовый замок.

Зачем, спрашивается, превращать в неприступную крепость обычную мебельную фабрику? Да потому, что фабрика эта была не совсем обычной.

* * *

Андрей ощущал себя влюбленным. Впрочем, не совсем так... Индия его сновидений – это идеал или просто мечта. Девушка, которую он когда-нибудь встретит, будет такая же, как она: с длинными шелковыми волосами, которые путаются, лезут на глаза, и она отбрасывает их назад резким жестом обеих ладоней, мотая головой, словно говоря ему: нет! Хотя глаза и губы говорят безусловное: да!

Сегодня не отпускает ощущение, будто эта встреча близка. Во сне Индия протягивала к нему руку ладонью вверх: – Спаси меня!

Андрею казалось, что он знает, куда идти, чтобы вызволить ее из какой-то большой беды, будто бы видит лестницу и дверь, но ступени рассыпаются под ногами, обратившись

скомканным одеялом.

Откуда, вообще, она взялась?

От нечего делать, сидя на своем дежурстве, дед вспомнил юношеское увлечение живописью. Он писал свои картины поверх портретов старых коммунистических начальников, членов Политбюро, которые украшали чуть ли не каждое фабричное помещение, а затем вешал их на место. Дед старательно копировал известные шедевры, вроде «Охотников на привале» или «Запорожцев», срисовывал, творчески перерабатывая, фотографии своих друзей, умерших и еще живых, а где-то в апреле разразился этим странным портретом «из головы».

Девушка или взрослая женщина с большими синими глазами была изображена на фоне ультрамаринового неба и ярко-желтой пирамиды, произрастающей из волнистых песков Сахары. Она стояла в легком летнем платье, зажав в руке цветок, длинные золотистые волосы (и как только удалось так смешать краски?) спадали с ее плеч, струясь по груди. Дед вывел в правом нижнем углу надпись «Индия» и, довольный, обтер кисть о промасленную тряпочку.

– Какая же это Индия, – спросил Андрей, краснея от нахлынувших чувств, – если пирамида – египетская?

– Конечно, египетская! – невозмутимо возразил дед. – А Индия – это, может быть, так самую девчонку зовут. Это ж тебе не Пикассо, а самый настоящий реализм, – непонятно, к чему, добавил он.

«Девчонке» было на вид лет двадцать, или немного больше, ее загадочная взрослость манила и в то же время отталкивала, той же ночью она явилась Андрею в жарком сновидении, а наутро ему казалось, что она уже снилась ему раньше.

Но такого не может быть: налицо типичный обратный эффект сновидения, когда кажется, что сон был не впервые, но ничто не доказывает, что не приснилась и сама мысль об этом. Иначе придется признать, что образ явился во сне одному человеку, а на холсте его запечатлел другой.

* * *

Андрей всегда навещал деда на дежурстве. Дело было не в родственной любви: он не очень-то ладил со сварливым стариком, все время пытавшимся учить его жить. Но, принеся деду обед и наскоро с ним поговорив, Андрей углублялся в таинственные дебри развалин.

Это было нечто! Сумеречный цех, где стояли ржавые станки, а под балками перекрытий мелькали ласточки. Здание администрации с выбитыми стеклами, где шелестели по полу некогда важные бумаги с печатями. И таинственная Зона-Б – трубы, трубы... Огромные трубы, конструкции, похожие на радиаторы автомобилей, гигантские змеевики, торчащие прямо из-под земли. Как-то раз дед написал с натуры один из этих техногенных уголков, хотел было назвать его

«Фабричный пейзаж», но рука не поднялась: непосвященные не поверят. Подписал – «Индустриальная фантазия».

Конечно, все в Балашихе знали, что это вовсе не мебельная фабрика, а секретный химический завод. По всему двору хитро и витиевато произрастали трубы – вентиляция подземных помещений, отводы из глубоких котлов и печей. Это только так, для блезиру, поставили здесь деревообрабатывающий цех. Но на самом деле – там, в глубине, скрывалось настоящее производство советского химического оружия. А дед всю жизнь проработал на поверхности, создавая легенду Штирлицам, бойцам невидимого фронта, которые приходили на фабрику в положенное время вместе с мебельными рабочими, но шли в таинственную Зону-Б, где переодевались, чтобы спуститься под землю. И жили эти секретные люди не в блочном доме, а где-то в Москве, откуда и приезжали на электричке. Тайна была в том, что все мебельные рабочие, в том числе, дед Андрея, отец и мать его, трудились на фабрике для маскировки.

Продукцию фабрика все же выпускала, и дед по праву гордился своей специальностью – столяр шестого разряда. Своими руками он создавал грубую массивную мебель: табуретки и тумбочки, крашенные лавки и книжные полки, садовые стулья и столы. Но грузовики проходили через секретный двор Зоны-Б, где под изделия фабрики, как все догадывались, подкладывали смертоносные контейнеры.

Советский Союз умер, производство химического оружия

прекратилось, вход в подzemелье залили железобетоном, а Зону-Б заперли и опечатали. Мебельное производство продолжало работать еще несколько лет, только уже не как прикрытие, а как самая настоящая фабрика.

Андрей хорошо помнил то время, хоть и был совсем маленьким. Семья стала жить хорошо: на столе всегда стояла ваза с конфетами, а ему чуть ли не каждый день покупали новые игрушки. Однако счастье созидательного труда длилось недолго: отечественная мебель перестала пользоваться спросом, и фабрику закрыли. Отец устроился в Москве, а потом вообще потерял работу. Мать заболела и умерла. Дед остался сторожем на развалинах. И теперь вся надежда семьи – только на Андрея.

Ему недавно исполнилось шестнадцать лет, он перешел в одиннадцатый класс и гулял на свободе свои последние дни: со следующей недели, в самый разгар летних каникул, когда благополучные одноклассники разъезжались, кто куда, Андрей выходил на работу в Макдоналдс. Да и в одиннадцатом классе отец подумывал, куда бы его пристроить, чтобы деньги домой носил, и дальше, в институте, куда он должен непременно поступить, ему предстояло сразу определиться с работой.

– Без высшего образования ты букашка, – говорил отец. – Такая же букашка, как теперь я.

Букашку (отца Андрея) брали на работу только курьером или грузчиком, но последнее ему не подходило по здоровью.

Впрочем, безработица вовсе не мешала букашке довольно часто напиваться вусмерть, и в дни, когда букашка отлеживалась, а дед торчал на работе, Андрей тянул на себе все их хозяйство.

Хозяйство имелось немалое, и квартирой в пятиэтажке не ограничивалось. В лесу, на высоковольтной просеке семья разбила огород, который был раньше целиком в ведении мамы и поставлял всякие деликатесы, вроде клубники или ранней редиски, но теперь использовался под выращивание более основательной пищи: картошки и кабачков. На фабрике, под не слишком бдительным взором начальства, дед умудрялся разводить кроликов, для которых надо было косить траву на лесных полянах... Словом, Андрей не мог себя с уверенностью назвать горожанином, хотя Балашиха – довольно большой подмосковный город, здесь есть даже собственное телевидение...

Так, думая о кроликах, фабрике, телевидении, молниеносными вспышками вспоминая ночную Индию, золото ее и бирюзу, в который раз фантазируя о том, как он проникнет, наконец, в заброшенное подземелье под фабричными корпусами, Андрей бежал через пустырь, перепрыгивая лужи, полные солнца, неба, облаков... И вдруг кто-то окликнул его: – Эй, мистер!

Невысокого роста человек в клетчатом костюме стоял, прислонившись к дереву, на окраине пустыря, выпуская кольцами дым изо рта. Чуть в глубине, на лесной дороге, был

припаркован джип – зеленый, едва заметный на фоне листы. В джипе, свесив ноги на землю, сидел другой человек, солидный и важный, а третий, длинный и худой, в этот момент выходил из-за машины, застегивая молнию джинсов.

Андрей остановился. Не очень-то ему понравилась эта компания.

* * *

Все трое, широко улыбаясь, смотрели на него.

– Я полагаю, – произнес главный, – что это и есть наш знаменитый Андрей.

– Андрей, точно – он! – подхватил клетчатый.

Андрей удивился, переводя взгляд с лица на лицо.

– Откуда вы меня знаете?

– Да как же тебя не знать? Мы ведь твоего дедушки друзья, – сообщил главный.

– А дедушка, между прочим, очень тебя любит, – сказал длинный.

– Я как раз и иду к нему, – растерянno пролепетал Андрей.

Дед, конечно, любил его – а как иначе? Но, вот, как сам Андрей к нему относился? Сложный вопрос... И вопрос этот мучил его. Ведь он тоже должен был любить деда. Но не получалось, честно говоря... И поэтому он растерялся, залепетал, почувствовал себя полностью безоружным.

– На-ка, держи подарок! – сказал клетчатый и кинул что-

то Андрею в руки.

Он инстинктивно поймал небольшую серебристую вещь, глянул – пистолет.

– Хорошая реакция! – поощрил главный.

– Настоящий? – изумился Андрей, Впрочем, понимая, что пистолет не может быть настоящим, но почему-то захотелось этим незнакомцам подыграть.

– Настоящий водяной пистолет. Сильно, между прочим, фирменный. В отличие от кустарных, которые текут и плюются, этот бьет далеко и прицельно.

Андрей повертел игрушку в руке. И, правда: точно по образу парабеллума сделанный пистолет.

Он вскинул свое оружие и нажал на курок. Острая тонкая струя ударила метров на пятнадцать. Выпускное отверстие казалось сухим. Андрей пригляделся: там был маленький клапан, чтобы не протекало. Умеют же делать некоторые!

Пока Андрей рассматривал подарок, незнакомцы дружелюбно рассматривали Андрея. Он почувствовал к ним неожиданную симпатию, хоть они и выглядели, как бандиты.

– Мы бизнесмены, – сказал главный из джипа. – Собираемся купить эту фабрику. Устроим здесь досуговый центр, клуб. Игровые автоматы...

– Бильярд! – воскликнул длинный.

– Целый комплекс! Сто автоматов и бильярдных!

– Кинотеатр! Макдоналдс!

Андрей смотрел на незнакомцев во все глаза. Неужели? Прямо рядом с домом!

– И первое время, в целях рекламы, будем пускать публику бесплатно.

– А ты, Андрей, всегда будешь бесплатно к нам ходить. Потому что мы – лучшие друзья твоего дедушки. Кстати! Дедушка опять сменил код на проходной. И мы никак не можем до него достучаться. Ты ведь знаешь код, да?

– Да как не знать? – удивился Андрей. – Просто сегодняшнее число, месяц и год. Он каждую смену меняет.

– Ах, вот оно что... Какой хитрый дедушка!

– Хватит дискуссий! – оборвал главный. – Сели и поехали.

– Точно! – воскликнул клетчатый. – А то все дискуссии, форумы, чаты... Как в интернете. А нас великие дела ждут. Бильярд!

– И автоматы! – подхватил длинный, садясь за руль.

– И кинотеатр. Долби-систем, – усмехнулся главный.

Андрей и глазом не успел моргнуть, как хлопнули двери, и джип сорвался с места. Поднимая радужные веера брызг, машина быстро помчалась по краю пустыря. Он пожал плечами, сунул пистолет в карман и зашагал дальше. Место для пистолета, конечно, нашлось: куртка у Андрея была замечательная, с множеством внешних и внутренних карманов, где он держал жизненно необходимые вещи. Куртка напоминала Андрею «Inventory» – окошко в компьютерных играх, где видны предметы, которые ты носишь с собой.

Компьютер у Андрея был старый, собранный из подержанных блоков, на нем шли только древние игры. Больше всего Андрей любил квесты – медленные и умные бродилки, где герой носит с собой постоянно пополняемый набор вещей, кликает мышью по всем углам и решает самые зубодробительные пазлы. Андрей и воображал себя героем квеста: одна его ипостась движется через пустырь, другая сидит за монитором, нервно дергая мышью. Такое ощущение хорошо знакомо всем, кто ежедневно играет, не отдавая себе отчета в том, выходит ли он из игры, чтобы оказаться в реальности, или наоборот. В данном случае, мир представлялся экраном, где на фоне неба плыли крупные кучевые облака, вдали чернела фабрика, а на переднем плане росли сорняки и валялись всякие ржавости.

Внизу экрана светилось окошко инвентаря, собственно – карманы: тормозок, фонарик, зеркальце и игла. Она была воткнута в воротник куртки, как когда-то научила мать. Нитка давно потерялась, и пустая игла была не нужна, Андрей совершенно не мог представить ее назначения в своем сегодняшнем квесте.

Итак, Андрей взял щелчком мыши пистолет, перетащил его в окошко и уложил в свободную клетку... И вдруг он посмотрел на себя со стороны и усмехнулся. Действительно – трудный возраст, как об этом говорят психологи, выступая по телевизору. То ему девушка-женщина снится, то он в пистолетик играет. Причем, и женщина, и пистолетик имеют

равную важность.

Из этих мучительных ночных пространств, где над ним склонялось прекрасное лицо Индии, омывая его золотым дождем волос, Андрей выпрыгивал, мотая головой, в ужасе от того, что ничего такого нет и, наверное, никогда не будет. Все было реальным, зримым, осязаемым и даже, казалось, обоняемым: пахло чем-то сладко-острым, вроде корицы, и долго потом крутилось в его дневном сознании, словно колесо...

И он фантазировал. Что, если Индия на самом деле существует? Эта девушка есть, она живет где-то неподалеку, ее зовут, конечно, не Индия, а как-нибудь попроще – Оксана, Кристина... Но она увидела Андрея на улице и влюбилась в него. И теперь она думает о нем – потому и снится.

Все это, конечно, на уровне чувств, потому что такая теория не отвечала на вопрос: где взял ее образ дед, когда написал портрет с пирамидой – «из головы»?

И вдруг Андрея осенило. Это же простая мысль, как только она раньше не пришла ему на ум? И она будто приковала его к месту: он снова, по своей привычке, остановился посреди дороги, с полметра проехав по мокрой глине, словно затормозив коньками на льду.

Индия есть. Она действительно живет где-то в городе. Дед часто ходит за продуктами – то на оптовку, то в дальние дешевые магазины. Он мог увидеть ее на улице и запомнить. Вот откуда взялся портрет!

В то же время, сама Индия увидела Андрея, влюбилась в

него, думает о нем. Вот откуда берутся сны!

Волна радости захлестнула его. В кино в таких случаях звучит торжественная музыка. Надо действовать. Хватит копаться в окостенелых развалинах, хватит жить, как ребенок, который все что-то собирает, мастерит... Он отнесет деду тормозок и отправится на охоту. Он будет бродить по улицам, заглядывать во дворы, в магазины, всматриваться в лица. И рано или поздно сам найдет ее.

Покончив с этим вопросом, Андрей постарался думать о другом, хоть это не очень-то и получалось. Встреча с пассажирами джипа оставила ощущение тревоги. Он прошел несколько шагов, вдруг увидел мышонка. Андрей дернулся, чтобы поймать его, да куда там! Зверек выбежал из норы, быстро шмыгнул в другую щель...

И вдруг Андрея словно током ударило. *«Красная Шапочка собирала цветы, играла с лесными зверушками...»*

Волк! Старая сказка как будто предупреждает его...

Он идет. Несет дедушке «гостинец». Встречает незнакомых людей и, как дурак, как Красная Шапочка, выдает им код замка фабрики!

Будто говорит волку, за какую веревочку дернуть и как!

Андрей побежал по краю пустыря, по следам, которые оставил джип, по лужам, полным солнечных отражений... Черные трубы фабрики тряслись вдали, казалось, ничуть не приближаясь. Андрей запыхался, схватился за деревце, холодный душ дождевых капель свалился на него с ветвей.

Ерунда. Подумаешь, вспомнил сказку! Но что за странные люди? Почему он так легко поддался их чарам? Водяной пи-столет, смешные словечки, «друзья дедушки»... Никакие они не друзья! Откуда, вообще, у деда могут быть такие друзья – на джипе? И что они заливали тут про досуговый центр? Какой досуг на самой окраине города, где начинается лес?

Андрей опять побежал, скользя кроссовками по мокрой траве. Поднялся ветер, серебристые тополя у фабричного забора качались в разные стороны рядами, словно на сцене певцы.

Странно, что в то же самое время, волнуясь и предчувствуя что-то очень плохое, он все продолжал в фоновом режиме, будто какая-то служебная программа, думать об Индии.

Она явно выглядела старше его... И на портрете, и во сне. От всех этих мыслей замирало в груди, несмотря ни на что...

Вот и проходная. Раньше она всегда оставалась открытой, и дверь была деревянной – за ней крутилась вертушка, пропускавшая рабочих. Теперь, когда опечатали секретную часть, здесь поставили железную дверь с кодовым замком.

Андрей остановился, остолбенев. Дверь приоткрыта на щель, незаперта. Такого никогда не случалось: дед впускал посетителя – Андрея или какого-то своего друга, который мог прийти с бутылкой – и сразу запирал дверь.

Андрей оглянулся по сторонам. Джип стоял в кустах – пустой. Его странные пассажиры уже прошли внутрь фабрики.

Набрав код замка, который им сообщил он, Андрей.

В ЗАПАДНЕ

Черная дверь проходной. Щель, в которой поблескивает вертушка. Андрей тихо вошел, огляделся. Закрутился на вертушке, та скрипнула. Андрей замер.

Никаких звуков, голосов. Он миновал проходную и оказался в небольшом дворике. Дворик был окружен красными кирпичными стенами и завален металлом, который еще не успели вывезти – крупные радиаторы, сверкающие на солнце, какие-то диски и короба. Странное дело: неужели те, кто строил эту секретную фабрику и хотел замаскировать ее истинную сущность, не догадались хотя бы покрасить все эти устройства в защитный цвет? Ведь для того, чтобы понять, что это вовсе не мебельная фабрика, достаточно просто обойти ее вокруг, увидеть все эти трубы, растущие из-под земли, эти змеевики и цистерны... Высокий забор с колючей проволокой поверху... А уж из космоса вся эта индустриальная фантазия была как на ладони!

Слово зацепило ассоциацию, и снова явилась Индия. Пусть она старше – ну и что? Анна Каренина тоже была старше... А вдруг она замужем?

Андрей поймал себя на том, что слишком глубоко задумался, и думает не по существу, а ему ведь надо как-то действовать... Где дед? Где эти люди, проникшие на фабрику по его, Андрея, вине?

И тут он заметил нечто странное. В углу кирпичного двора виднелись глубокие борозды, будто здесь топтались и шаркали ногами. Андрей подошел и увидел на земле темное, еще не высохшее пятно. И четыре полосы на стене, будто по стене провели рукой, измазанной краской.

Нет, это не краска, а кровь! А черты на земле образовались оттого, что к двери хозблока волокли человека, и он упирался ногами.

И тут Андрей услышал шум, голоса. Какие-то люди приближались, шли по коридору хозблока, они были уже рядом... Андрей глянул по сторонам. Выбежать через проходную не успеет. Он протиснулся между двумя серебристыми радиаторами и замер в щели. И тут они вошли.

Андрей хорошо видел их обоих сквозь ребра радиатора: люди из джипа – Длинный и Клетчатый.

– Здесь постоишь, – распорядился Длинный. – Сейчас мальчишка придет. Позаботься о нем. А я пойду о старике позабочусь. Не терпится мне узнать, откуда он ее взял.

– Дай-ка я гляну еще раз, – сказал Клетчатый.

Длинный протянул ему какой-то предмет, Андрей видел его край – это была картина в рамке, то ли работа деда, то ли портрет члена Политбюро.

– Ерунда какая-то, – сказал Клетчатый, подумав несколько секунд, с произвольным почесыванием затылка. – Это просто совпадение, он не мог ее видеть.

– Вот и я так считаю. Но допросить с пристрастием не

помешает.

Длинный исчез, а Клетчатый, заложив руки за спину, прошелся по двору. Заглянул в дверь проходной, крутанул вертушку, та скрипнула... Они неправильно рассчитали время и ждали Андрея снаружи. Ведь бандиты не знали, что он будет не идти, а бежать.

Клетчатый остановился прямо напротив него, колупнул ногтем серебрянку на радиаторе, почему-то хихикнул. На земле, рядом с его желтыми кожаными ботинками прыгали и клевали два беззаботных воробья.

И тут Андрею захотелось чихнуть. Он знал, что должен потереть нос, но боялся пошевелиться. Чих приближался, как бы бежал по темному коридору, проложенному внутри его груди...

И Андрей чихнул! Клетчатый вздрогнул, быстро сунул руку в карман... Но в этот момент из двери хозблока просунулась голова Длинного, что стало неожиданным спасением.

– А, это ты! Будь здоров, – пожелал ему Клетчатый.

– Здоров, не жалуюсь, – с недоумением отозвался Длинный. – А вот старик-то пропал. Уполз куда-то, черепаха херова! В окно, что ли?

На сей раз, когда Длинный показался меж ребер радиатора, Андрей увидел предмет, который он держал в руках. Это был портрет Индии.

Пальцы у Длинного белые, холеные, они сжимают рамку, а портрет перевернут, глаза девушки выглядят от этого пе-

чальными, и совершенно непонятно, почему оба бандита так удивились, увидев ее.

– Позвони шефу, – распорядился Длинный. – У меня что-то мобильник барахлит.

– Да? И у меня тоже. Что-то с ретранслятором, наверное... Клетчатый достал мобильник, ткнул пальцем в клавишу.

– Ага, есть сигнал, хоть и слабый... Шеф, нужны идеи! Мы тут нашли кое-что, и оно совсем не вяжется с теорией. Пацана дожидаться надо, а со стариком небольшая проблема: делся куда-то... Что? Ясно... Выполняем.

Клетчатый выключил мобильник и обратился к Длинному:

– Пацан уже на фабрике. Шеф видел сверху, как он подходил к проходной. Поэтому, запирай дверь и за работу. Ни одна собака больше сюда не войдет.

– И не выйдет, – тихо подтвердил Длинный, похлопывая себя портретом по ноге.

Он направился в сторону проходной, и Андрей услышал, как запирается железная дверь. Через минуту дворик опустел. Андрей вышел из своего укрытия. Он точно знал, где спрятался дед. Черный пластиковый пакет с тормозком стал теперь лишней обузой. Андрей спрятал его меж ребер радиатора.

Кирпичный дворик был ограничен проходной, углом внешнего забора и длинным г-образным зданием хозблока, которое разделялось на несколько помещений: раздевалка и душ, комната отдыха, кухня и столовая. Со стороны двора фабрики к хозблоку примыкал небольшой домик, его занимал дед и называл своей сторожкой.

Раньше здесь помещалась маленькая котельная, она отапливала проходную и хозблок. На самом деле – служебным помещением деда считалась проходная. Но он облюбовал себе пристройку и поселился в ней, а начальство закрывало глаза на его самовольство, как и на кроликов, как и на многое другое, например, на гостей, которые часто приходили к нему в те времена, когда дед пил водку. Но теперь он завязал, и гости перестали к нему ходить.

Андрей впервые в жизни пожалел, что дед держит свое клятвенное слово. Вот бы сейчас появился кто-нибудь с бутылкой, пытался войти, набрав известный код числа и месяца, если, конечно, этот пьяный гость смог бы вспомнить, какое сегодня число.

Потом бы он бегал вокруг, звал деда, увидел джип в кустах, заподозрил неладное, вызвал милицию... А может быть, и не вызвал, испугавшись джипа: ведь джип – это обычно бандиты, а связываться с ними... Да и милиции этот пьяный

друг тоже мог испугаться, и просто пошел бы домой, пить свою водку на кухне...

В сторожке от старой котельной остались котлы – два вертикальных цилиндра. Между ними была щель, а за котлами – ниоткуда не видимый проход, ведущий прямо в кухню. Он получился оттого, что здесь ремонтировали трубы и забыли заложить продолбленную стену.

Это был даже и не проход, а небольшой лаз, со стороны кухни прикрытый куском фанеры – старой доской почета фабрики, где в три ряда красовались черно-белые лица рабочих.

Именно в кухню мог уйти дед, а не в окно, которое заколочено толстым гвоздем – сам Андрей и забил его прошлой осенью, чтобы не хлопало от ветра.

Значит, дед был сейчас где-то в г-образном здании, в столовой или в комнате отдыха. Раздевалка и душ находились по правую сторону коридора, который разделял здание, проходя как раз по плечу буквы «г». Вряд ли дед рискнул идти этим коридором, не зная, куда направились бандиты.

Но Андрей это знал: Длинный и Клетчатый хлопнули дверь, ведущей во двор фабрики. Третий, их главарь, был сейчас далеко: в административном здании или в цеху, иначе как он мог увидеть сверху, что Андрей прошел на фабрику? Возможно, он уже проник и в саму Зону-Б. Андрей был совершенно уверен, что эти люди хотели попасть именно туда.

Зачем? Это другой вопрос... Но, наверняка, не металло-

лом собирать.

Андрей приоткрыл дверь хозблока. Узкий коридор с коричневым деревянным полом освещался двумя зарешеченными лампами – над этой и противоположной дверью. Направо – раздевалка и душ. Налево – комната отдыха, столовая, кухня. Андрей прокрался налево, открыл дверь, прислушался. Тишина. Только капает на кухне вода, размеренно звеня о железную раковину.

В комнате отдыха стоял теннисный стол и стол для игры в домино, деревянная лавка, кожаный диван и тумбочка под телевизор, который отсюда давно унесли. На стене висели блеклые плакаты, изображающие красивых людей на улицах красивого города, среди них – портрет одного из погибших друзей деда, написанный поверх какого-то лика коммунистических времен. В данном случае, дед умудрился сохранить нетронутым строгий неброский костюм члена Политбюро.

Андрей вошел в столовую. Помещение было совершенно пустым: по доскам пола, исчерканным железными ножками стульев, катались тени ветвей, словно подметая пол. Кусты сирени, старые и высокие, будто деревья, росли под окнами столовой, выходящими во двор фабрики. Они хорошо защищали Андрея. Не опасаясь быть замеченным со двора, он пересек помещение столовой и вошел в кухню.

Дед был там. Он сидел на полу у стены, опустив голову, казалось, что он спит. Его рука сжимала кусок водопровод-

ной трубы с загнутым переходником на конце. Маленькая лысина и седые волосы по ее краям были залиты кровью.

Андрей подошел. Он вспомнил какое-то кино, где полицейский пощупал у раненого шею и заключил:

– Мертв!

Андрей протянул руку, чтобы пощупать у деда шею, правда, он понятия не имел, в каком месте ее щупать, и что там может нащупаться.

Дед поднял голову. Андрей отдернул руку.

– У тебя кровь! – воскликнул он. – Они тебя ранили.

– У меня кровь! – неправильным эхом откликнулся дед и снова опустил голову на грудь.

Надо перевязать рану... Андрей достал носовой платок и намочил ткань под краном. Дед снова зашевелился, когда Андрей стал промывать рану. Удар пришелся прямо в центр дедовой лысины, «тонзуры старого клоуна», как он сам ее называл, смешно похлопывая себя по макушке ладонью.

Рана была небольшой, неглубокой, кровь уже не шла, и перевязки не требовалось. Андрей разжал у деда пальцы и вытащил водопроводную трубу. Несколько раз взмахнул ею в воздухе. Отличное оружие! Только вряд ли можно использовать его против трех человек, которые, наверняка знают приемы и, скорее всего, вооружены. Недаром ведь Клетчатый сунул руку в карман, когда Андрей чихнул...

Он уложил деда вдоль стены. Дед застонал, Андрей заметил, что его левая нога как-то неестественно вихляется. Сло-

мана, вывихнута?

Он пролез мимо котлов в сторожку, нашел там старый ватник, заодно осмотрел двор фабрики из окна. Никакого движения. Совершенно не ясно, где сейчас находятся бандиты. Где-то далеко на лесной дороге гремел мотоцикл...

Андрей вернулся на кухню, скатал ватник и подложил dedu под голову. Тот открыл глаза и пробормотал:

– Вторая смена... Закрывать наряд...

Похоже, он просто бредил, потому что смены, наряды и прочее бытовало на фабрике в те годы, когда фабрика работала.

Что делать? Надо позвонить в милицию, но единственный телефонный аппарат – в здании администрации. Вот бы как сейчас пригодился мобильник! Во всем классе только у Андрея и у еще одной девочки, тоже из бедной семьи, все еще не было мобильника. Он вспомнил, как только вчера говорил об этом с отцом...

– Да зачем он тебе нужен? Вот, игрушку нашли! – говорил отец, оправдывая бесполезность «игрушки», на которую просто не хватало денег.

– А вот, будет критическая ситуация! – возражал Андрей.

– Ну, какая? Предложи мне ситуацию, и тогда я подумаю насчет мобильника.

Андрей попытался, но так и не смог представить никакой ситуации. Помнится, ему пришла в голову одна, но он постеснялся ее озвучить, чтобы отец не назвал его дурачком.

А пришло в голову такое:

– Что, если на фабрику заберутся бандиты?

В таких случаях говорят:

– Как в воду глядел!

И еще он вспомнил, что вот уже на целых полчаса мысль, которая ежеминутно падала на него камнем, словно хищная птица, совершенно покинула его. Мысль, воспоминание о девушке или взрослой женщине, которая ждала и звала его – в какой-то иной, фантастической реальности...

* * *

Андрей присел на корточки посередине кухни, обхватил голову руками и задумался. Прямо перед ним, у стены стояла старая доска почета, которую дед отодвинул, чтобы пролезть в кухню. Андрей смотрел на серьезные лица людей, одетых в строгие темные пиджаки, при галстуках. Под фотографиями были подписи, выведенные тонким афишным пером: *Колесов Иван Григорьевич, слесарь, Рубин Дмитрий Олегович, электрик...* Дед рассказывал ему об этих людях: многих из них уже не было в живых.

Одна фотография отсутствовала, на ее месте желтело бесформенное пятно клея. *Вареничева Анна Николаевна* – было написано внизу. Андрей сам когда-то аккуратно снял эту фотографию с доски почета и вставил в домашний альбом, на самой последней странице. Мать служила на фабрике чер-

тежницей, ее комната была в административном корпусе...

Андрей часто бывал на фабрике, еще в те дни, когда фабрика работала, хорошо знал здесь каждый закуток. Теперь эта территория стала враждебной, смертельно опасной.

У них с дедом было три пути: выбраться с фабрики, вызвать милицию или спрятаться.

Еще в кирпичном дворике, стоя за радиаторами, Андрей слышал, как Длинный запер железную дверь изнутри, попискивая кнопками замка. Это значило, что он установил новый код, и дверь теперь не открыть, потому что электронный замок особой двери-секьюрити работал как на вход, так и на выход.

Преодолеть забор фабрики – трудная задача, но попробовать можно, через крышу проходной, например.

Двускатная крыша хозблока вряд ли могла послужить мостом на свободу, хоть и тоже примыкала к внешнему забору. Советские военные химики строили с умом: забор в этом месте тоже поднимался, повторяя острый силуэт крыши.

Крыша проходной была низкой, односкатной, забор образовывал ступеньку и над ней, но, казалось, расстояние там все же поменьше. Наверное, строители думали, что, если на проходной круглосуточно дежурят люди, то и опасаться проникновения на фабрику именно в этом месте не стоило.

Проникновения? Андрей впервые понял, как устроен забор... Какая, на самом деле, разница, примыкают к забору здания изнутри или нет? Ведь снаружи он может все равно

оставаться одной и той же – неприступной – высоты. Получается, что забор построен не так, чтобы кто-то не залез на двор фабрики, а так, чтобы кто-то из двора не вылез – иначе нельзя объяснить эти скачки уровня забора над крышами.

Затаиться где-нибудь на фабрике – не самая лучшая идея. Неизвестно, сколько времени бандиты собираются пробыть здесь, и как упорно они будут искать. По-настоящему спрятаться можно только в Зоне-Б, но туда еще надо попасть. А путь в зону идет мимо здания администрации, где есть телефон, поэтому такой вариант отпадает: конечно, сперва лучше сделать попытку позвонить.

Если перелезть через забор не удастся, то надо будет пробраться в здание администрации, к телефону, который находился на первом этаже, в комнате 121.

Андрей приоткрыл дверь столовой, снова осмотрел сквозь кусты сирени двор – никого. Далеко в лесу мерно стучал топор: кто-то собирается жарить шашлыки. Андрей подошел к противоположному окну, глянул на корпус проходной. Стук топора слышится отсюда яснее, наверное, какая-то беспечная компания, по случаю воскресенья, расположилась на поляне за Бабошкиным озером.

Нет, идея вырваться с фабрики была ложной в самом своем корне: они просто не смогут залезть даже на крышу корпуса. К такому выводу Андрей пришел не сразу, а перечислив в уме все предметы в своем распоряжении: стулья, лавка, диван, теннисный стол... Ни один из них не мог послужить в

качестве лестницы такой высоты. Разве что, только теннисный стол. Но Андрей не сможет его перенести во дворик – слишком большой и тяжелый.

Он вернулся на кухню. Дед в эту минуту как раз поднимал голову с ватника, протирал глаза. Попытался встать и скорчился от боли:

– Нога! Стукнулся об угол, когда волокли...

– Идти можешь?

– Наверное... А куда идти?

Дед беспомощно крутил головой. Он был напуган гораздо больше внука. Андрею стало как-то стыдно за то, что он видит его в таком жалком положении.

– Я знал, что они снова придут, чувствовал... – вдруг с какой-то грустью сказал дед.

– Как это – *снова*? Они что – уже были здесь?

– Крутились тут, еще весной. Что-то измеряли, фотографировали. Сказали – комиссия. Я доложил начальству. Никто никакой комиссии не знал. Приказали – больше не пускать.

– Может быть, это шпионы? Американские или корейские...

– Нет, только не корейские. У корейских глаза узкие.

– Да ты что, дедушка? По-твоему получается, что американские вообще должны быть неграми.

– В самую точку! Один из них и правда был негр.

– Какой еще негр?

– Самый обыкновенный. Черный. Его на отдельной машине привезли, с рамкой по территории водили.

– Лозоходец! Рамка, которая показывает аномалии.

– Точно – аномалии. Здесь нечисто! Я давно понял. Но поздно... Амба.

Андрей услышал снаружи какой-то шум. Он кинулся в столовую, посмотреть в окно. По двору шагал Клетчатый. Он перебросил что-то через забор фабрики, что-то черное, подошел к двери сторожки и заглянул туда. Там, естественно, никого не было. Тогда он направился в хозблок. Ветер донес со станции тягучий зудящий звук: от платформы отходила девятичасовая электричка. Трудно представить, что сейчас какие-то мирные люди сидят в вагоне, разворачивают газеты, едят мороженое... Андрей на цыпочках вернулся на кухню и вошел, прижимая палец к губам.

– Где они? – спросил дед.

Андрей двинул в его сторону растопыренной ладонью, прислушался. Хлопнула дверь. Куда он повернет? Если направо, то им конец. Если налево, то немного времени еще есть. В любом случае, двигаться сейчас нельзя.

Клетчатый повернул налево, открыв дверь раздевалки. Когда дверь хлопнула, Андрей прошептал:

– Он на том конце хозблока. Один. Но сейчас придет сюда. Ты можешь встать?

Дед шевельнул ногой, другой... Поднялся на четвереньки, упираясь руками в пол. И застонал от боли.

В голове Андрея вертелась одна спасительная идея, но он никак не мог ее ухватить. Он стоял, поддерживая деда, и бесшумно крутил головой, осматривая комнату, которая уже через минуту могла стать их могилой. Или склепом... Подвал! Но здесь нет никакого подвала. То есть, он, конечно, существовал – какой дом без подвала? – но это уже была территория химзавода.

Есть! Андрей понял, как можно спрятаться.

Хлопнула дверь раздевалки. Сейчас у бандита оставалось два пути: в кирпичный дворик или сюда. Удача была сегодня явно не на его стороне: Клетчатый прошел во дворик.

Поддерживая деда, Андрей повел его к лазу, ведущему в сторожку. Так как сторожку Клетчатый уже осмотрел.

НАЧАЛО ПУТИ: СТОРОЖКА – РЖАВАЯ ТРУБА

Они сидели за столом, обсуждая, что им делать дальше. Дед даже поставил чайник на электроплитку – не столько желая попить чайку, сколько пытаясь утвердиться в ситуации.

Прячась, Андрей успел закрыть лаз старой доской почета, а Клетчатый, войдя на кухню, не заметил прохода. Наверное, у него был низкий IQ. Андрею на его месте, точно пришла бы мысль отодвинуть фанеру.

– А ведь он туповат, этот бизнесмен, – сказал он. – Может быть, у нас получится их перехитрить?

– Да ты что? Бизнесмены – они ж такими делами ворочают! – возразил дед.

– Это только кажется. Если бы эти бандиты, бизнесмены были умными, то у нас бы не простаивали целые фабрики.

– Ты еще мне политику объяснять будешь? – взвился дед.

– Помолчи. Береги силы. Я думаю.

– Он думает! Скажите, пожалуйста!

– Дедушка, ну, будь другом! Давай хоть сейчас ссориться не будем.

Ссорились они часто. Дед всегда учил его каким-то своим принципам, которые остались в прошлом веке. Андрей иногда притворялся, что слушает, но порой у него не хватало

ло терпения, и тогда раздражался скандал: дед орал, стучал ладонью по столу... Что сейчас им совсем не нужно, так это стучать ладонью по столу. Андрей сказал примирительно:

– Давай вместе подумаем. Ты старый, умный, тебе обязательно должна прийти в голову хорошая мысль.

Он изложил деду свои соображения: о том, что надо, прежде всего, пробраться в здание администрации и завладеть телефоном.

– Телефон милиции – ноль два, – сказал дед.

– Хорошо, я запомню, – кивнул Андрей, закусывая улыбку.

– Дверь в комнате, где телефон, сильно скрипит, – сказал дед. – Возьми масло. Прежде, чем открыть, смажь петли.

Дед достал из шкафа бутылочку растительного масла, которое он использовал как для жарки, так и для живописи. Дверца шкафа тонко скрипнула. Дед взял нож и проковырял отверстие в пластмассовой пробке.

– Вот как надо, – сказал он и впрыснул немного масла в щели петель.

Осторожно приоткрыл дверцу и впрыснул еще. Несколько раз открыл и закрыл дверцу. Петли больше не скрипели.

– Хорошо, – сказал Андрей, взял бутылочку и засунул в карман.

Это была бутылочка из-под водки, такие маленькие бутылочки отец с дедом называли чекушками...

Андрею вдруг стало жалко и деда, и себя. Он вспомнил,

как они жарили яичницу на плитке, наливая масло из этой чекушки. И вот их, этих двух человечков, которые готовили тут еду, у которых часто болели от этой еды животы, именно их тут могут убить, может быть, именно в этой комнате, где они делали такие простые жизненные вещи...

– Видишь, – продолжал дед, – на дворе лежит труба?

Андрей кивнул. Он уже и сам продумал свой маршрут, именно через эту большую трубу, по которой он не раз ползал, преодолевая воображаемую компьютерную игру. Но он не стал перебивать деда, пока тот объяснял, как ему добраться до административного корпуса, и Андрею было приятно, что их представления о грядущем квесте полностью совпали.

Чайник закипел, дед составил его на пол и выключил плитку.

Андрей тронул пальцем дырку в стене, место, где был гвоздь, крепивший портрет Индии.

– Они забрали картину, – сказал он.

– Зачем?

– Я тоже хотел бы знать...

Андрей думал проверить догадку, которая пришла ему в голову на пустыре, но казалось немыслимым говорить с дедом о своей Индии. Он спросил, как бы между прочим, кстати к предыдущим словам:

– Дедушка, а откуда ты взял это лицо?

– Я же сказал: из головы, – дед почему-то смутился.

– Может быть, ты где-то случайно увидел такую женщину?

– Нигде не увидел! – оборвал его дед. – Она... Ну, допустим, она мне приснилась, а что?

– Приснилась? Тебе?

Андрей ошарашенно смотрел на деда: казалось, тот разыгрывает его.

– А что тут такого? – пробормотал дед. – Как в песне поется: портрет работы Пабло Пикассо... Знаешь такую песню?

Андрей помотал головой. Больше на эту тему говорить не хотелось. Все это было странно, невозможно. Индия снилась деду. Индию знали бандиты. Индия звала на помощь во сне. Андрей любил Индию. Для решения задачи не хватало данных, и все они противоречили друг другу. И не было времени решать эту задачу именно сейчас.

– Вот еще что... – сказал дед, когда Андрей уже стоял в дверях. – Я должен тебе сказать... Только и сам не знаю, что...

Андрей подумал, что он решил произнести короткую напутственную речь.

– Копался я тут... – продолжал дед. – Словом, есть подозрение, только не подумай, что у меня того... Крыша, что называется, поехала.

– О чем ты? Ну, говори же, наконец!

– Там, внизу, вовсе не химический завод.

– Как не химический? А какой?

– Никакой. Там было что-то другое. Ты просто имей это в виду, на всякий случай. Здесь нечисто! И вот они пришли. И, я думаю, это серьезная, очень серьезная игра.

Андрей прополз под навесом, где, как он помнил из детства, стояли во время перекуров рабочие, укрываясь от солнца или дождя. Этот навес примыкал к сторожке и служил ее крыльцом. Деревянные колонны были защиты снизу досками, образуя перила, на которые рабочие опирались локтями, смоля свои папиросы. Такие папиросы и теперь курил дед, и назывались они «Беломор». Эти перила как раз и скрыли ползущего на четвереньках Андрея от возможного взгляда сверху, из окон административного корпуса или цеха.

Дальше был небольшой, метров семь, ничем не защищенный участок – до горловины трубы. Андрей пробежал его, низко пригибаясь к земле. Ветер налетел на фабрику, закружил сухие листья, маленький смерч станцевал что-то посередине двора и внезапно рассыпался.

Уже возле трубы из кармана куртки выскочила бутылочка масла. Андрей запихнул ее обратно и пожалел, что так и не собрался пришить пуговицу на клапан, хотя она оторвалась несколько дней назад...

Он влез в трубу. Пахло горячим железом. Он полз, отирая плечами ржавые стенки. Внутри трубы кто-то, залетевший сюда – жук или шмель – громко жужжал, звук усиливался многократным отражением от стен, и Андрей хорошо понимал это физическое явление, поскольку по физике у него

стояла самая, что ни на есть, твердая пятерка. А вот в конце трубы его поджидало другое физическое явление, а именно – пара клетчатых ног.

Они возникли, когда Андрей замер уже на самом выходе из трубы, раздумывая, как ему выбраться. Подобные решения не составляют труда в компьютерных квестах. Воображаемый экран выглядит так. Ржавые стены в потеках, впереди яркий светоносный круг – горловина трубы. Если он просто выползет, щелкнув по горловине, то откуда-то появятся Длинный и Клетчатый, поймают его, и игра закончится.

Надо найти некий предмет в своем инвентаре, выбрать его мышью, перетащить в центр экрана и использовать на горловину трубы. Андрей уже догадался, что это будет за предмет, сунул руку в карман куртки, как вдруг в светоносном круге бесшумно, словно это был кот в человеческой одежде, прошел Клетчатый, вернее – его нижняя половина. Через несколько секунд ноги продефилировали в другую сторону, ближе, а затем остановились прямо напротив горловины и утвердились в грунте. Клетчатый сел на трубу.

Андрей оцепенел. Ноги были так близко, что он мог дотянуться до них и шутки ради потыкать иглой... Нет, это плохая шутка. Не будем использовать иглу на ноги Клетчатого: она пригодится для чего-нибудь другого.

Клетчатый ждал здесь кого-то. Послышался звук плевка, через мгновение плевков упал на землю между ботинок.

Андрей видел высокие каблуки, какие обычно предпочи-

тают маленькие люди. Оба носка дырявые, протертые на пятках, полукружья дыр выглядывают из-за желтой кожи ботинок, будто два глаза с бельмами.

Вскоре приблизились чьи-то шаги.

– Я облазил всю территорию, – сказал Клетчатый. – Нигде их нет. Даже следов.

– Это странно, – произнес голос, принадлежащий Длинному. – Либо они уже выбрались, и тогда нам конец, либо...

– Они уже внизу.

– Это вряд ли. Я хотел сказать: либо ты просто плохо искал.

– Я обошел всю фабрику, заглянул в каждую щель.

– А может быть такое: ты шел, и они тоже шли? Ты осмотрел место, ушел оттуда, а они потом пришли туда.

– Этого быть не может. Здесь нет круговых проходов. Я всегда доходил до тупика и шел обратно.

– Логично... А могли они спрятаться на крышах построек?

– Крыши просматриваются все.

Андрей удивился: логика, с которой согласились оба, во все логикой не была. А еще взрослые! Ведь они с дедом могли сделать свой трюк в любом помещении, из которого есть три выхода, и это не зависело от того, тупики за этими выходами или нет. А подобных помещений на фабрике – в здании администрации, в цехе было множество. Даже из комнаты отдыха они могли перейти через коридор в раздевалку, пока бандит задержался в кирпичном двореке.

– Чем занимается шеф? – спросил Клетчатый.

– Готовит взрывчатку, – ответил Длинный.

И тут послышался гром. Андрей не сразу понял его природу. Оказывается, это просто кто-то хлопнул сверху ладонью по трубе – так взбудоражилось во внутреннем пространстве эхо. Это был Длинный. Потому что именно его голос произнес:

– А вот, например, труба... Туда ты заглядывал?

* * *

Андрей где-то читал, что в минуты смертельной опасности человек вспоминает всю свою жизнь. Ничего подобного с ним не произошло. Кое-что вспомнилось, но не самое главное, не самое интересное...

– Конечно, заглядывал – что я лох, что ли? – с вызовом ответил Клетчатый.

Андрею вспомнилось, как отец впервые взял его на фабрику, когда он был совсем маленьким, и человек в синей форме разрешил ему покататься на вертушке.

– И давно? – спросил Длинный.

Андрей хорошо помнил тот зимний день. Тогда эта самая труба не валялась на дворе, а стояла рядом с прочими, победоносно блестя в ярко-синем небе, словно ракета на старте. Той далекой зимой отец дал ему повключать станки, а потом отвел в административный корпус, где их встретила мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.